

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-681-685

Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник
ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ТЮРЬМА КАК ПРЕДЕЛЬНЫЙ ОПЫТ: ПРОСТРАНСТВО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СДВИГА

Аннотация. В статье рассматривается пенитенциарная система как пространство, в котором проявляются фундаментальные механизмы биополитики. Опираясь на концепт «хомо сакер» Джорджо Агамбена и его анализ лагеря как «номоса современности», статья исследует тюрьму в качестве «чрезвычайного положения», обнажающего суть человеческого через его редукцию к «голой жизни» (zoé). На материале исторических и литературных свидетельств о нацистских лагерях показывается процесс глубокой антропологической трансформации личности, возникновения «серой зоны» морального неразличения и распада социальных связей. Особое внимание уделяется психиатрической и экзистенциальной перспективе: анализируются механизмы разрушения идентичности и возможности (или невозможности) сохранения человечности в условиях тотального отчуждения. Центральным становится вопрос о свидетельстве как акте, который, по Агамбену, не только фиксирует катастрофу, но и создает возможность для возвращения к политическому существованию (bíos) из пространства исключения. Статья утверждает, что тюрьма, являясь предельной лабораторией власти над жизнью, ставит под вопрос сами основы человеческого и требует этического осмысления феномена свидетельства как формы сопротивления тотальному обезчеловечиванию.

Ключевые слова: тюрьма, предельный опыт, антропологический сдвиг, чрезвычайное положение, Джорджо Агамбен, голая жизнь (zoé), биополитика, свидетельство, серая зона, травма, человечность.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
PKU "Research Institute of the Federal Penitentiary Service"

PRISON AS ULTIMATE EXPERIENCE: A SPACE OF ANTHROPOLOGICAL SHIFT

Annotation. The article considers the penitentiary system as a space in which the fundamental mechanisms of biopolitics are manifested. Drawing on Giorgio Agamben's concept of "homo saker" and his analysis of the camp as the "nomos of modernity," the article explores the prison as a "state of emergency," exposing the essence of the human through its reduction to "naked life" (zoé). The material of historical and literary evidence about the Nazi camps shows the process of deep anthropological transformation of the personality, the emergence of a "gray zone" of moral non-identification and the collapse of social ties. Particular attention is paid to the psychiatric and existential perspective: the mechanisms of destruction of identity and the possibility (or impossibility) of preserving humanity in conditions of total alienation are analyzed. Central is the question of testimony as an act that, according to Agamben, not only fixes a catastrophe, but also creates an opportunity for a return to political existence (bíos) from the space of exclusion. The article argues that prison, being the ultimate laboratory for power over life, calls into question the very foundations of the human and requires an ethical understanding of the phenomenon of testimony as a form of resistance to total dehumanization.

Key words: prison, marginal experience, anthropological shift, state of emergency, Giorgio Agamben, naked life (zoé), biopolitics, testimony, grey area, trauma, humanity.

Введение: Пространство исключения как антропологическая лаборатория. Тюрьма, особенно в своих предельных исторических проявлениях, концентрационном лагере или лагере уничтожения, с точки зрения философской антропологии и политической философии, представляет собой не просто учреждение для изоляции и наказания. Это пространство, где обнажаются фундаментальные структуры власти, а человеческое существование подвергается радикальной редукции. Итальянский философ Джорджо Агамбен, развивая идеи Мишеля Фуко и Карла Шмитта, определяет подобные зоны через парадигму «чрезвычайного положения», в котором нормативный правовой порядок суверенно приостанавливается, порождая пространство, где жизнь управляется исключительно через исключение [1]. В этом пространстве индивид лишается своих политических и социальных качеств, низводясь до статуса «голой жизни» (*zoé*), биологического существования, лишённого какой-либо легитимности и защиты. Фигура *homo sacer* из римского права, которую Агамбен делает центральной в своем анализе, воплощает этот парадокс: это человек, которого можно безнаказанно убить, но который не может быть принесен в жертву, то есть полностью исключённый как из человеческого, так и из божественного права. Современная тюрьма, в особенности тоталитарный лагерь, становится местом, где производство такого «сакрального человека» поставлено на поток, превращаясь в «биополитическую парадигму современности» [1].

Данное исследование ставит перед собой задачу концептуально осмыслить тюрьму как катализатор глубинного антропологического сдвига. Мы рассмотрим, каким образом пребывание в пространстве исключения деформирует человеческую идентичность, моральные устои и саму возможность осмысленного существования. Через анализ свидетельств бывших узников и теоретические конструкции политической философии мы попытаемся ответить на центральный этический вопрос: возможно ли, пройдя через этот предельный опыт унижения и насилия, выйти из него, сохранив свою человечность, или же «голая жизнь» становится необратимым приговором для личности? Для психиатра, работающего в пениitenciарной системе, этот вопрос имеет не только теоретическое, но и остро практическое измерение, связанное с пониманием травмы, механизмов психологической защиты и пределов человеческой устойчивости.

Биополитика, суверенитет и производство «голой жизни». Ключ к пониманию тюрьмы как антропологического феномена лежит в концепции биополитики. Мишель Фуко показал, что начиная

с XVIII века власть начинает осуществлять контроль не только над территориями и действиями, но и над самой жизнью населения, ее биологическими процессами (рождаемостью, здоровьем, смертностью) [2]. Однако Агамбен радикализует этот тезис, утверждая, что включение «голой жизни» в политический расчет является не просто современным явлением, но скрытой матрицей всей западной политической традиции. Суверенная власть, по Агамбену, утверждает себя прежде всего через способность провозглашать чрезвычайное положение, отменять действие закона, чтобы основать его заново. Пространство, где закон приостановлен, но не отменен окончательно, и есть зона исключения, «лагерь». Это не обязательно концентрационный лагерь в его исторической форме. Как пишет Агамбен, «лагерем становится как стадион в Бари, где в 1991 году итальянская полиция временно удерживала массу нелегальных албанских иммигрантов, так и зимний велотрек, на который власти Виши согнали евреев» [1]. Любое пространство, где правовой статус человека оказывается в подвешенном состоянии – это зона ожидания для беженцев, центр содержания мигрантов, современная тюрьма строгого режима, которая содержит в себе лагерную логику. Здесь человек лишается не только свободы, но и своего политического лица, становясь объектом управления, чистым биологическим телом. Различение, введенное древними греками между *zoé* (простой факт жизни, общий для всех живых существ) и *bíos* (политически оформленная, достойная жизнь индивида или группы), здесь упраздняется: остается только *zoé*, жизнь, которую можно произвольно обрывать, не совершая при этом ни убийства, ни жертвоприношения.

Тюремная система, таким образом, является институционализацией этого исключения. Она создает четкие границы: внутри, такое пространство, где действие обычного права ограничено, где телесность и время индивида полностью подчинены административному распоряжению; а снаружи присутствует мир полноправных граждан. Однако в условиях тоталитарных режимов эта граница становится проницаемой и угрожающей для всего общества. Ханна Арендт, чьи работы предвосхитили многие идеи Агамбена, называла концентрационные лагеря «лабораториями тотального господства», где проверяется возможность радикального преобразования человеческой природы [3]. В этих лабораториях испытуемым материалом становится сам человек, а целью эксперимента становится доказать, что люди могут быть сведены к набору рефлексов и инстинктов, что любая спонтанность, солидарность или индивидуальность может быть уничто-

жена. Современные пенитенциарные учреждения, даже в демократических обществах, несут в себе отголоски этой логики. Психиатрический надзор в тюрьмах, как продолжение биополитического контроля, часто направлен не столько на исцеление, сколько на нормализацию и подчинение, на управление «неудобными» формами жизни через диагноз и фармакологическое воздействие. Это создает специфический симбиоз карательной и терапевтической власти, где задача сохранения человечности ставится под сомнение самой институциональной структурой.

Феноменология предельного опыта: распад личности и «серая зона». Психиатрический и антропологический анализ свидетельств узников позволяет детально зафиксировать стадии и механизмы антропологического сдвига, происходящего в пространстве лагеря или тюрьмы. Этот процесс является системным наступлением на все уровни человеческого существования. Первый удар наносится по телесности. Хронический голод, холод, непосильный труд, антисанитария, целенаправленное лишение сна методично разрушают физиологическую основу личности. Организм борется за выживание, отключая «лишние» функции, в том числе высшие когнитивные и эмоциональные. Человек постепенно превращается в «доходягу», термин из лагерного лексикона, точно описывающий состояние крайней физической и психической деградации. Варлам Шаламов в «Колымских рассказах» с леденящей точностью показывает, как голод становится единственной доминантой сознания, вытесняя все остальные мысли и чувства. Это не просто страдание, а инструмент трансформации: тело из субъекта опыта превращается в объект, в обузу, с которой приходится считаться. С точки зрения психиатрии, здесь мы наблюдаем начало глубокой регрессии, когда базовые потребности полностью подавляют сложные психические конструкции личности, необходимые для поддержания идентичности.

Параллельно происходит разрушение социальных связей. Заключенный изымается из семьи, профессии, дружбы. В лагере его идентичность сводится к номеру на робе. Прошлое и будущее аннулируются, остается только бесконечное, лишнее смысла настоящее. Как отмечала Ханна Арендт, цель тотального господства сделать человека излишним, и первый шаг к этому лишить его места в мире, сделать его социально невидимым [3]. В таких условиях солидарность, основа традиционных человеческих отношений, становится хрупкой и редкой. Инстинкт самосохранения часто толкает к конкуренции за крохи ресурсов, доверие исчезает. Социальная смерть предвещает возможную физическую. Человек оказывается в экзистенциальном вакууме, где преж-

ние нормы и ценности теряют всякий смысл, а новые формируются под диктовку жестокой необходимости. Этот распад социального «я» является ключевым элементом антропологического сдвига, подготавливая почву для наиболее глубокой моральной травмы.

Наиболее глубокий и травмирующий сдвиг происходит в сфере морали и самоидентификации. Примо Леви, итальянский химик, переживший Освенцим, ввел понятие «серая зона» для описания пространства моральной неопределенности, где четкие границы между жертвой и палачом стираются [4]. Речь идет о тех узниках, которых администрация принуждала к соучастию в управлении и насилии над другими заключенными: капо, старостах барачных, членах зондеркоманд в лагерях смерти. Эта «зона» неразличения, по мысли Агамбена, является не маргинальным явлением, а сердцевиной лагерной логики. Власть стремится не просто уничтожить жертву, но и сделать ее соучастником собственного унижения, чтобы снять с себя вину и доказать тотальный характер своего господства. Для жертвы же выбор часто стоит между немедленной физической смертью и моральной смертью, связанной с соучастием. Татьяна Ткаченко, анализируя этот феномен, ссылается на Альбера Камю, который видел в индуцировании чувства вины у жертвы «самое дьявольское преступление национал-социализма» [5; 6]. Человек, вынужденный участвовать в насилии, теряет опору в самом себе. Он испытывает ненависть и к палачам, и к себе, и к тем, перед кем вынужден отыгрывать роль надсмотрщика. Его идентичность раскалывается, а выход из «серой зоны» после освобождения оказывается почти невозможным: общество видит в нем предателя, а он сам не может простить себе компромиссы, на которые пошел ради выживания. Психиатр, сталкивающийся с последствиями такого опыта, видит не просто посттравматическое стрессовое расстройство, а экзистенциальный кризис невиданного масштаба и разрушение самой способности судить о добре и зле, чувство тотальной внутренней опустошенности и вины, которая кажется неискупимой. Это состояние выходит за рамки классических диагностических категорий, требуя философского осмысления природы моральной травмы.

Свидетельство и возможность возвращения: этика после катастрофы. Возможен ли выход из этого опыта с сохранением человечности? Ответ на этот вопрос лежит не в области психиатрической нормы (травма таких масштабов никогда не излечивается полностью), а в области этики и антропологии смысла. Ключевую роль здесь играет свидетельство. Для Агамбена истинным свидетелем является не просто тот, кто выжил и

может рассказать о произошедшем. Подлинное свидетельство принадлежит «мусульманину» (немецкое лагерное жаргонное слово «Musselman»), то есть узнику, дошедшему до крайней степени апатии и физического истощения, окончательно утратившему волю к жизни и речь. Такой человек стал полным воплощением «голой жизни», он пересек последний порог дегуманизации. Но он, по определению, не может свидетельствовать. Поэтому выживший, дающий показания, свидетельствует всегда от имени этого невозможного свидетеля, от имени того, кто поглощен бездной и молчит [1]. Его речь – это не просто повествование, а акт восстановления связи, попытка вернуть в поле человеческого слова тот опыт, который был направлен на уничтожение самого понятия человечности. С точки зрения психиатрии, это акт невероятной психической работы: необходимо заново конституировать собственное «я», разорванное травмой, и одновременно взять на себя бремя представительства тех, кто исчез. Это процесс, сопряженный с огромным страданием, но именно он содержит в себе зародыш возвращения к *bíos*, к политически оформленной жизни.

Писатели-узники, такие как Варлам Шаламов или Primo Levi, осознавали эту миссию не как терапевтическую (изживание личной травмы), а как этический долг. Шаламов писал, что его рассказы – это «документ о человеке», выстраданный как документ. Его проза лишена пафоса и морализаторства; она констатирует факты физиологического и нравственного распада с почти клинической точностью. Эта документальность и есть форма сопротивления. Превращая невыразимый ужас в язык, свидетель возвращает себе и жертвам статус субъектов истории, вырывая их из состояния безгласной «голой жизни». Он восстанавливает различие между добром и злом, между человеческим и бесчеловечным, которое система стремилась стереть в «серой зоне». Однако это восстановление никогда не бывает полным. Травма оставляет шрам на самой способности свидетельствовать, внося в повествование разрывы, умолчания, внутренние противоречия [4; 7]. Агамбен обращает внимание на то, что язык неизбежно предаёт опыт, поскольку опыт лагеря – это опыт разрушения самого языка, разрушения коммуникации. Поэтому свидетельство всегда несет в себе невыразимый остаток, ту самую «голую жизнь», которая сопротивляется символизации. Задача заключается не в том, чтобы преодолеть это противоречие, а в том, чтобы удерживать его, делая самой сердцевинной этического высказывания.

Однако само свидетельство несет в себе парадокс и тяжелое бремя. «Вина выжившего»,

чувство, что твоя жизнь оплачена смертью других, что ты не заслужил права на спасение, становится постоянным спутником. Свидетель всегда говорит из разрыва, из пропасти между собой-выжившим и собой-уже-почти-уничтоженным. Возвращение к «нормальной» жизни (*bíos*) оказывается проблематичным: как жить, зная, что ты побывал в аду и видел, на что способен человек? Как восстановить доверие к миру и к себе? Primo Levi, завершивший жизнь самоубийством спустя десятилетия после освобождения, является трагическим примером того, как тяжело может быть это бремя. Этот экзистенциальный вопрос не имеет окончательного ответа. Человечность в таком контексте – это не врожденное качество, а хрупкое, ежедневное достижение, практика памяти и ответственности перед теми, кто не выжил. Для психиатрии это означает, что помощь пережившему предельный опыт заключается не в том, чтобы стереть память или привести состояние к условной норме, а в том, чтобы поддержать его в этом трудном труде свидетельства, в признании легитимности его травмы и его уникальной, раздвоенной позиции между жизнью и смертью, между молчанием и речью.

Заключение: Тюрьма как вызов современной антропологии. Таким образом, тюрьма в ее предельном выражении действительно является пространством «чрезвычайного положения», где сущность человеческого обнажается в процессе своего систематического разрушения. Через механизмы биополитической власти индивид низводится до состояния «голой жизни», подвергается физиологической, социальной и моральной дезинтеграции. Возникающая при этом «серая зона» стирает традиционные этические категории, ставя жертву перед невыносимым выбором и размывая границу между нею и палачом. Опыт лагеря или тотальной тюрьмы провоцирует глубокий антропологический сдвиг, который можно рассматривать как травматическую трансформацию самой основы человеческого «я». Однако этот сдвиг не является абсолютно фатальным. Возможность если не «сохранения», то последующего обретения человечности связана с актом свидетельства. Свидетельство – это не просто воспоминание, а этический и политический акт, который бросает вызов забвению и пытается вернуть в поле языка и смысла тот опыт, который был направлен на их уничтожение. Оно является попыткой заново провести черту между *zoé* и *bíos*, между жизнью, которую можно безнаказанно отнять, и жизнью, которая имеет ценность и достоинство.

Для психиатра, работающего в пенитенциарной системе, это означает, что понимание личности заключенного невозможно без учета этого

биополитического контекста. Травма часто коренится не только в индивидуальной психопатологии, но и в опыте пребывания в пространстве исключения, в состоянии социальной и экзистенциальной «отброшенности». Реабилитация, в таком случае, не только медицинская или социальная задача, но и тонкая работа по восстановлению у человека способности быть субъектом собственной жизни и истории, по поиску языка для выражения непередаваемого [8; 9]. В конечном счете, осмысление тюрьмы как предельного опыта заставляет нас задуматься о хрупкости человеческого достоинства и о тех механизмах власти, которые, будучи институционализированы, продолжают производить формы «голой жизни» в самом сердце современного общества. Антропологический сдвиг, пережитый в недрах пенитенциарной системы, становится зеркалом, в котором общество может увидеть свои собственные скрытые возможности к дегуманизации, а также свой нереализованный этический потенциал к сопротивлению, поминовению и сохранению человеческого в человеке.

Список литературы:

- [1] Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с итал. – Москва: Изд-во «Европа», 2011. – 256 с.
- [2] Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
- [3] Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. – Москва: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
- [4] Леви, П. Человек ли это? / пер. с итал. – Москва: Текст, 2001. – 281 с. Бауман, З. Актуальность холокоста / пер. с англ. – Москва: Изд-во «Европа», 2010. – 316 с.
- [5] Камю, А. Бунтующий человек: философия, политика, искусство / А. Камю. – Москва: Издательство политической литературы, 1990. – С. 120–126. – 414 с.
- [6] Ткаченко, Т. А. Зона неразличения: интеллектуальная предыстория понятия «серой зоны» у Дж. Агамбена // Гефтер. – 2012. – 13 июня. – URL: <https://gefter.ru/archive/4935> (дата обращения: 31.01.2026).
- [7] Шаламов, В. Т. Колымские рассказы. – Москва: АСТ, 2018. – 288 с.
- [8] Искандаров, Р. Р. Влияние ограничения свободы на автономию и самоидентификацию лиц с психическими расстройствами в пенитенциарных условиях // Право и управление. – 2025. – № 6. – С. 49–52. – EDN TKWEFB.
- [9] Игумнов, С. А. Пробация в отношении лиц с психическими расстройствами: организационно-правовые и клиничко-социальные особенности реализации в Российской Федерации / С. А. Игумнов, Р. Р. Искандаров // Психическое здоровье. – 2025. – Т. 20, № 11. – С. 13–19. – EDN VXUBQR.

References:

- [1] Agamben, J. Homo sacer. Sovereign power and naked life/per. From Italian. - Moscow: Publishing House "Europe," 2011. - 256 s.
- [2] Foucault, M. Supervise and punish. Birth of a prison/trans. From French - Moscow: Ad Marginem, 1999. - 480 s.
- [3] Arendt, H. The origins of totalitarianism/trans. From English - Moscow: CenterCom, 1996. - 672 s.
- [4] Levy, P. Is it a man ?/per. From Italian. - Moscow: Text, 2001. - 281 p. Bauman, Z. Relevance of the Holocaust/trans. from English - Moscow: Publishing House "Europe," 2010. - 316 s.
- [5] Camus, A. A rebellious man: philosophy, politics, art/A. Camus. - Moscow: Publishing House of Political Literature, 1990. - S. 120-126. - 414 s.
- [6] Tkachenko, T. A. The zone of indistinguishment: the intellectual background of the concept of the "gray zone" in J. Agamben//Gefter. – 2012. - June 13. - URL: <https://gefter.ru/archive/4935> (access date: 31.01.2026).
- [7] Shalamov, V.T. Kolyma stories. - Moscow: AST, 2018. - 288 p.
- [8] Iskandarov, R. R. Effect of restriction of liberty on the autonomy and self-identification of persons with mental disorders in prison settings//Law and administration. – 2025. – № 6. - S. 49-52. – EDN TKWEFB.
- [9] Igumnov, S. A. Probation in relation to persons with mental disorders: organizational, legal and clinical-social features of implementation in the Russian Federation/S. A. Igumnov, R. R. Iskandarov//Mental health. – 2025. - T. 20, NO. 11. - S. 13-19. – EDN VXUBQR.

